

Вероника Колесникова

**ИЗМЕНА.
Я ОТОМЩУ**

УДК 82-3
ББК 84-4
К60

Колесникова В.

К60 Измена. Я отомщу / Вероника Колесникова – М.: Литнет, 2025. – 222 с.

ISBN 978-5-521-93894-0

Я случайно услышала разговор мужа с любовницей, и он не стал ничего отрицать. — Да! Да! — будто выплюнул мне в лицо. — А что ты хотела? У нас секса не было месяц. Месяц! Я живой мужик! Ясно?! Мне нужно, в конце концов, это физиология! Я...Хочу! Она лучше! Умеет многое. Не принимает все бревном, как ты. И хочет! Хочет! Ясно?! Словно пружина распрямилась, больно толкнувшись чуть ниже пупка заточенным краем железа. Как больно... Я сжала в руках долгожданный тест на беременность с двумя полосками. Две капельки крови упали в землю... Я отомщу тебе... за все отомщу...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93894-0

© Литнет, 2025
© В. Колесникова, 2025

Глава 1

– Кисунь, вечером сбегу от жены... Придумаю что-нибудь... Жди меня, белье можешь не надевать, я голоден... Очень голоден, – под конец фразы голос моего мужа стал томным и многообещающим.

Таким, какого я давно от него не слышала в свою сторону...

Я замерла. Липкий холодок пробежал по позвоночнику.

В одно мгновение словно превратилась в ледяную статую – безмолвную и хрупкую.

Тишина коридора оглушила.

Там, за стеной, стоял мужчина, с которым я делила свою жизнь, и тихо, словно вор, разговаривал с другой женщиной.

С другой...

Внутри я вся словно покрылась коркой толстого льда, а пальцы, сжимавшие тест на беременность, заиндевели.

Положительный тест. Впервые за столько лет бесплодных попыток две полоски на нем покраснели, я так торопилась сказать ему об этом... Так торопилась!

– Прощаюсь, целую... ты знаешь, куда... – шепот за стенкой от человека, которого я считала самым близким столько лет, прозвучал ударом молотка по крышке моего гроба.

Колени подогнулись. Живот свело страшной судорогой. Оперевшись рукой о прохладную стену, я начала ртом втягивать воздух, чтобы снизить накал нарастающей изнутри боли.

Она свербела и закручивала, закручивала штопором все жилы, все нервы, все мысли и чувства.

Перед глазами все поплыло...

Нет, нет, нет!

Вдох-выдох. Выдох – вдох.

Холод внутри резко сменился жаром. Или это в комнате вдруг неожиданно поднялась температура?

Щеки потеплели, а в яремной впадине, там, где и находится душа, колкий лед вдруг превратился в острые металлические шипы. От каждого вдоха они становились все больше и больше, острее и больнее впиваясь в плоть, стремясь вырваться наружу.

Ни соглотнуть, ни выдохнуть.

Я прислонилась спиной к стене, зажмурилась до пестрой боли, до жгучих искр из глаз. Сжала зубы. Почувствовала, как страшная гримаса исказила лицо, как натянулись канатами вены на руках, резко складывая пальцы в кулаки.

Предатель...

Больно ударилась затылком о стену.

Предатель, предатель...

По щекам потекли непрошенные струйки горячих слез. Огненным ручейком они стекали мимо ушной раковины, к шее, выжигая на своем пути все самое хорошее и доброе, что помнилось мне за нашу долгую, и, казалось, счастливую жизнь с мужем.

Предатель... Как ты мог?!

Мне хотелось рычать, снова удариться затылком о стену так, чтобы все, что я слышала, пропало, выпало из моей головы. Но это было невозможно...

— Тамара? — лицо Тагира казалось ненастоящей алебастровой маской в сумерках коридора. Он явился, словно дьявол из преисподней, неожиданно и неотвратно, чтобы столкнуть меня в пропасть. Черные глубокие глаза, ухоженная щетина, громада мышц, которая прежде казалась мне защитой от всего мира... Человек, которого я называла мужем три счастливых года... — Тамара? Что с тобой?

— Ты... — зубы начали отбивать чечетку. Боль закручивалась, собиралась новыми витками в грудной клетке, спускалась в живот.

— Я... я все слышала...

В его черных, как глубокая ночь, глазах, сначала промелькнула растерянность, потом — сомнение, а после — уверенность в собственной правоте и непогрешимости.

За столько времени я научилась различать все его эмоции, жадно ловить их, как тонкая травинка ловит солнечный луч. И сейчас прекрасно видела: мозг его, работающий всегда точно и быстро, сейчас придумывает, ищет оправдание, лазейку, как крыса ищет выход из лабиринта...

Ох...

– Тамара, ты заблуждаешься. Ты себе напридумывала что-то.

Я ухватила за тонкую майку на груди, собрав ее в жменю, будто таким образом можно было успокоить бешено разгоняющее ритм сердце.

– С кем ты говорил? Кто это? «Кошечка»? «Целую»?

Мой голос срывался, перед глазами все плыло. Но я видела, как Тагир вдруг ошетинился всеми иголками, что жили внутри него. Ему никогда не нравилось, когда я вела себя так – говорила громко, высказывала свои претензии. И сейчас его лицо окаменело...

– Да! Да! – будто выплюнул мне в лицо. Он резко оттолкнулся рукой от стены и провел пятерней по волосам. – А что ты хотела? У нас секса не было месяц. Месяц! Я живой мужик! Ясно?! Мне нужно, в конце концов, это физиология! Я... Хочу! А ты! Ты не способна на все это! Сколько я должен терпеть?!

– Терпее-е-есть? – визгливо отозвалась, ощущая, что еще секунда – и я ударю его со всей силы, какая только есть в моем тонком и хрупком теле. – Терпеть?!

– Да! Она лучше! Умеет многое. Не принимает все бревном, как ты. И хочет! Хочет! Ясно?!

Словно пружина распрямилась, больно толкнувшись чуть ниже пупка заточенным краем железа.

Как больно...

Плевать!

– Куда ты? – его голос ударил меня между лопаток. – Куда ты собралась? Вернись обратно!

Не с первого раза, но замок, наконец, прокрутился. Дверь рас-

пахнулась, обдавая сыростью улицы, заставив танцевать юбку вокруг колен.

Я больше не хочу, не могу видеть его! Его лживое, предательское лицо! Уйти, вперед, быстрее, не давая ему возможности оплести, словно путами, своими словами!

– Чеерт! – Холодная весенняя земля обжигала ступни, но о том, чтобы вернуться в дом и надеть обувь, не было и речи.

Я вихрем рванула к забору, за которым начиналась улица с дорогой.

Сейчас в нашем коттеджном поселке должны были быть люди, прогуливающиеся под ветвями раскидистой сирени. Люди, которые могли защитить меня от этого ужаса, бьющегося в висках.

– Тамара! – Тагир явно не собирался оставить наш разговор в таком подвешенном состоянии. Бросился за мной, схватил за руку, дернул на себя, выбивая из легких воздух.

– Пуссс-ти меня, слышишь? – прошипела сквозь зубы. В глазах мужа блеснуло торжество: я была в его власти, и он мог делать сейчас все, что хочет, несмотря на мое сопротивление.

Я до боли прикусила губу, ощущая на языке солоноватый привкус крови. Боже, как больно...

– Пусти девушку, – чужой низкий с хрипотцой голос ворвался в сознание, заставив широко раскрыть глаза. Прямо возле меня стоял незнакомец. Широкие плечи, масляно блестящие при электрическом свете фонарей у дома, большие руки с бороздками вен, сжатые полные губы, недовольный взгляд черных, словно дуло пистолета, глаз.

– Это моя жена! – дернул плечом Тагир. Недовольно сощурился: незнакомец сам открыл железную калитку и сейчас находился на территории нашего таун-хауса.

– Кажется, она так не считает...

Мужчина сделал движение, будто хочет вырвать меня из лап мужа и спрятать за своей спиной. И мое тело будто откликнулось

на него – захотелось скрыться от всего мира за этим могучим, уверенным в себе человеком.

В эту же секунду мне показалось, будто сотни ножей ворвалось в мое нутро. Живот свело страшной болью.

Выдохнув, словно облаком горячего пара, я посмотрела вниз.

Боже... на земле оказались две крохотные капельки крови...

Глава 2

«Мамочка, прощай!», – два слова бились в сознании. Я смотрела, как через деревянный мост, не оборачиваясь, переходила маленькая девочка в белом кружевном платье и не могла ничего сделать. Плотный туман нарастал из реки и окутывал собою все вокруг – и то, что было впереди, и то, что было позади. Мне хотелось вскинуть руку и криком, жестом остановить ребенка, но я не могла – все мышцы будто одеревенели, а крик замер в саднящем горле.

«Прощай...», – прошептала одними губами и зажмурилась...

Возвращение в реальность давалось с трудом. Тяжелые веки еле поддавались – такое чувство, будто в глаза швырнули песком. Сон, или видение с отдаляющейся маленькой девочкой, так похожей на меня, все еще отдавался томительной и звенящей тоской в сердце.

В горле першило, язык разбух, а голова стала чугунной – ни поднять, ни повернуться.

– Лежи, лежи, – незнакомый женский голос прозвучал отдаленно, будто через слой мутной воды. – Сейчас проколемся и станет лучше.

– Г-где...я... – сфокусироваться на себе удавалось с трудом.

– В больничке, – через щелку, на которую хватило сил открыть глаза, рванула ослепляющая белизна. Видимо, больничной палаты.

– Сейчас врач придет и все объяснит, – невидимая сердобольная женщина поддерживающе коснулась руки – почудилось легкое касание чуть выше локтя. Она тяжело вздохнула и вышла – шаги прошелестели дальше, звякнуло стекло и щелкнула дверь.

Врач...

И тут же осознание навалилось разом: вспомнилось все, что было

недавно: и белое лицо мужа, и сильная боль в животе, и сумерки бесстрастной улицы.

Никогда не думала, что это когда-то случится именно со мной. С нами. Еще когда я стояла в белом свадебном платье напротив него, он смотрел на меня сияющими глазами, а сейчас этот влюбленный взгляд был предназначен не мне. Другой женщине.

Мир будто замер, пропали звуки, голоса, запахи. Вселенная словно впервые увидела меня, уставилась своим изучающим взглядом, говоря: теперь ты знаешь. Что будешь делать дальше?

В самом средоточье сердца за клубилась тьма, она дергала за ниточки по всему телу, отчего дрожали кончики пальцев, становились мягкими колени, к глазам подступала предательская влага.

Говорят, что перед смертью калейдоскопом проносится вся жизнь. Сейчас перед моим внутренним взором проходили все счастливые моменты с Тагиром.

Первая улыбка. Легкое касание. Робкий вопрос. Нежный поцелуй.

Наш первый раз, когда боль смешалась с удовольствием, и я поняла: так будет только с этим мужчиной.

Не будет. Теперь ничего уже не будет...

Черный клубок в груди нарастал, мысли закружились испуганными кладбищенскими птицами.

Не плакать! Не плакать!

Горло стянуло, как удавкой, спазмом. От недостатка воздуха закружилась голова, в носу засвербело.

Я зажмурилась до пестрых огоньков под глазами и постаралась сделать длинный вдох. Грудная клетка от напряжения заболела – или это заболела душа, которая сворачивалась внутри и дрожала в агонии?

С огромным трудом я положила руку на живот и все поняла.

Мне не нужен был врач, его соболезнования, отстраненные сухие слова поддержки.

Я уже все знала сама: внутри меня не зарождалась жизнь. Та

маленькая девочка, что должна была вырасти в умную красавицу, ушла, оставив только пустоту...

От этого понимания, от этой мысли, чернота внутри лопнула. Она растеклась по всему телу, залила жаром щеки, затрясла ознобом предплечья, зажглась убивающим огнем в солнечном сплетении, заполнила болезненной пустотой живот, заструилась обжигающими слезами по щекам.

Я чувствовала: теперь я полностью одна. Одна во всем мире, на целой планете, на которой нет никому до тебя дела... Чернота выливалась из меня потоками горячих слез, оставляя после себя пустоту, от которой начинало постепенно мутить. Голова кружилась, и все тело, до кончиков ресниц, словно разом заболело.

Одна... одна... одна... Боль пронзала виски, пульсировала в сердце, ржавым ножом вырезая на коже буква за буквой: *одна!*

Он обещал, что мы всегда будем вдвоем, но сейчас я была здесь, за кулисами его жизни, в абсолютном одиночестве, сломленная, жалкая, покинутая и обманутая, ощущая только свою боль и его предательство.

Одна.

– Сестра! Успокоительное! Моей жене плохо! – голос Тагира прозвучал камнепадом в горах – неожиданно и жестко.

И тут же все завертелось: хлопнула дверь, послышались торопливые шаги, в руку вонзилась игла, опалив тонкой острой болью.

– Тшшш, Тамара, успокойся, – голос мужа подавлял, мне хотелось крикнуть ему, чтобы убирался отсюда, но все, на что хватило сил, это только шумно выдохнуть сквозь зубы.

– Вколем успокоительное, она поспит. Вы – муж?

– Да! Да! – Тагир будто отмахнулся от вопроса.

– Вам нужно уйти, здесь пока нельзя находиться, посещения – после трех.

– Я договорился, – жёстко обрубил он чужое предложение, как всегда, когда ему что-то не нравилось.